

Поначалу никто не обращал на это внимания. Две служанки, которым было поручено обучать Ань Ланя и заботиться о нём, полагали, что все эти люди приходят по приказу Гун Цзю. Даже те, кто знал правду и находил происходящее странным, списывали всё на попытки угодить молодому господину, обучая его нового любимца своим лучшим техникам.

Но шила в мешке не утаишь.

Хотя сами «учителя» помалкивали, не у всех их приятелей языки были на замке. К тому же у каждого имелись и другие друзья. Случалось, что на дружеской попойке, разгорячённые вином, они пробалтывались, а некоторые и вовсе решали поделиться «хорошей вещью» с «добрым братом».

В итоге Ань Лань обнаружил, что число желающих стать его наставником резко возросло. Такая суета наконец привлекла внимание Гун Цзю и Маленького старика. Хозяин острова просто-напросто притащил юношу к себе на допрос, и тот послушно выложил всё как на духу.

— Я правда больше не могу учиться, — с тоской в голосе пожаловался Ань Лань.

Ему хотелось плакать. Теперь каждый его день был забит уроками до отказа, и он начал жалеть о своём первоначальном решении.

«Разве я пришёл на сушу, чтобы учиться? — сокрушался он. — Я пришёл, чтобы заводить друзей и веселиться!»

К тому же его волосы уже стали заметно короче. Что не так с этими людьми? Неужели у всех них какая-то болезнь, возбуждающая страсть, и без его волос у них возникают проблемы в постели?

Выслушав его, Гун Цзю спросил:

— Если ты хотел научиться всему этому, почему не пришёл ко мне?

— А? — бессознательно переспросил Ань Лань. — Молодой господин Цзю, вы можете научить меня владеть кнутом?

Мужчина замолчал, на его лице отразилось недовольство.

Конечно, нет. С посторонними — это одно, но русал лично стегал его кнутом, и их отношения были совершенно иными. Ему было бы трудно сдержаться.

— С завтрашнего дня я буду учить тебя фехтованию, — сказал Гун Цзю, долго и пристально глядя на него.

— Я не...

— Ты не будешь слушаться? — перебил его тот.

Ань Лань замер. Помолчав, он всё же не выдержал и с безмерной обидой произнёс:

— Ну как вы можете так поступать?

Усугублять его и без того непосильное бремя учёбы — что за злой умысел?

— Ты можешь учиться фехтованию только у меня, — с безразличным видом заметил Гун Цзю.

Юноша на мгновение замер, осознавая смысл этих слов. Сначала он обрадовался и был готов тут же согласиться, но, немного остыв, почувствовал укол сожаления.

На самом деле, наблюдение за звёздами, искусство маскировки, сборка механизмов и создание волшебных порошков были довольно интересными занятиями. Даже вызывавшее у него мурашки разведение насекомых заменили на обучение игре на музыкальных инструментах.

К тому же, как жаль бросать всё на полпути, особенно когда он заплатил такую драгоценную цену.

Вздохнув, русал покачал головой:

— Пожалуй, не стоит.

Гун Цзю отпил чаю и невозмутимо произнёс:

— Через несколько дней я покидаю остров. Ты отправишься со мной.

— Правда?

Он тут же оживился. Неужели он наконец увидит огромный мир людей?

Хотя рядом не будет опытных сородичей, которые могли бы его направить, но в компании такого друга он чувствовал себя в полной безопасности.

Гун Цзю, видя его радость, помрачнел. Он поставил чашку.

— Подойди.

Ань Лань без всякой опаски подошёл к нему. Молодой господин Цзю одним лёгким движением притянул его к себе на колени. Русал, растерянно глядя на него, запрокинул голову.

Что это за поза?

Длинные пальцы собеседника скользили по его шее, словно поглаживая драгоценный нефрит или лениво забавляясь с котёнком.

— Всё остальное неважно, — медленно произнёс он. — Но одно ты должен запомнить.

— Что именно? — спросил Ань Лань, чувствуя лёгкое головокружение.

— Ты — мой, — отчеканил Гун Цзю.

«Ох... опять у него приступ собственничества».

— Я всегда буду любить молодого господина Цзю больше всех! — не задумываясь, выпалил Ань Лань.

Выражение лица мужчины смягчилось.

Он обнимал это мягкое, тёплое создание, не чувствуя ни отторжения, ни раздражения. Напротив, ему не хотелось отпустить его, хотелось изучить каждую косточку, каждый изгиб.

У него было так много всего, но ничто не приносило ему удовлетворения. Еда, выпивка, азартные игры, плотские утехы — всё, что нравилось другим мужчинам, было ему безразлично.

Но он был мужчиной.

Поэтому появилась Ша Мань. Однако всё удовольствие, которое приносила ему эта женщина, проистекало из её покорения и мучений. Он причинял ей боль и черпал боль из неё — холодно и дико.

Он думал, что это лучшее, на что он способен, но никогда прежде не испытывал такого чувства жадного обладания, как сейчас.

Пальцы скользили по позвоночнику Ань Ланя, пересчитывая позвонок за позвонком, и наконец остановились на пояснице, не желая двигаться дальше.

От прикосновений стало щекотно, и юноша попытался увернуться. Гун Цзю удержал его и задал странный вопрос:

— Ты знаешь, сколько позвонков у обычного человека?

Ань Лань растерялся и попытался завести руку за спину.

— Сейчас посчитаю...

Не успел он дотронуться, как собеседник снова заговорил:

— Семь шейных.

Говоря это, он кончиками пальцев легонько касался его шеи, медленно спускаясь вниз. Каждое прикосновение приходилось точно на выступающий позвонок, и, хотя он не произносил цифр, в голове невольно вёлся счёт.

— Двенадцать грудных, — его рука продолжила медленное путешествие вниз. — Пять поясничных...

Под его тихий голос Ань Лань почувствовал, как тёплые пальцы коснулись его спины пять раз, а затем внезапно замерли.

И тут он услышал тихий шёпот:

— Пять, шесть, семь...

— !

Ань Лань застыл у него на коленях, боясь дышать. Сердце бешено заколотилось.

«Что делать? Неужели он понял, что я не человек? Что он теперь со мной сделает?»

Юношу начало трясти.

Разоблачение было таким внезапным.

Позвоночник русалов напрямую соединён с хвостовыми костями и примерно вдвое длиннее человеческого. Поэтому, даже принимая человеческий облик, он мог иметь несколько лишних позвонков. Обычный человек никогда бы не обратил внимания на такую мелочь.

— Врождённое строение костей, отличное от обычного, — прошептал Гун Цзю ему на ухо, — это либо уродство, либо выдающийся талант.

Ань Лань, опустив голову, не смел ни посмотреть на него, ни произнести ни слова.

— Поэтому усердно учись у меня фехтованию и не растрчивай свой дар.

Юноша резко вскинул голову.

— А?

И это всё? Вот такой вывод?

Увидев его реакцию, голос мужчины стал жёстче:

— Ты всё ещё не хочешь?

— Хочу, хочу! — Ань Лань принялся отчаянно кивать. — Я буду очень стараться!

Только тогда Гун Цзю удовлетворённо отпустил его.

Если он чего-то хочет, он всегда этого добивается.

Всё ещё не оправившись от шока, русал спрыгнул с его колен и осторожно спросил:

— Молодой господин Цзю, я могу идти?

Тот кивнул.

Ань Лань не смел больше задерживаться. Боясь, что хозяин острова обнаружит ещё что-нибудь странное, он поспешно удалился.

«Едва не попался! — русал перевёл дух. — Гун Цзю такой страшный! Я чуть не стал первым представителем своего народа, чья личность была раскрыта из-за пары лишних позвонков».

Что до уроков фехтования, юноша не придавал им особого значения, полагая, что это будет нечто вроде занятий с кнутом.

Но вскоре он понял, как сильно ошибался.

На следующий день, ещё до рассвета, Гун Цзю безжалостно вытащил его из постели. Сонного, его привели во двор и вложили в руки что-то холодное, тяжёлое и длинное. Ань Лань опустил глаза и увидел меч, который его наставник всегда носил с собой.

Тот стоял перед ним, заложив руки за спину, с непроницаемым выражением лица.

— Начинай.

— Хорошо.

Ань Лань тут же собрался с духом. Он ведь обещал, что будет стараться...

— Сегодня для начала сделаешь три тысячи взмахов, — продолжил Гун Цзю.

Ань Лань: ???

Он не только мгновенно проснулся, но и выронил оружие, которое с глухим стуком упало на землю.

Гун Цзю нахмурился.

— Подними, — приказал он.

Юноша поспешно поднял клинок. Теперь он казался ему не холодным, а раскалённым.

— Три тысячи? — ошеломлённо переспросил он.

— Именно, — кивнул мужчина.

Всякое желание стараться или упорствовать испарилось без следа. Ань Лань прижал холодную сталь к груди с видом мученика, на глазах его выступили слёзы.

— Я не хочу так страдать, молодой господин Цзю...

Тот впервые столкнулся с тем, что кто-то осмеливается говорить ему подобное. Он помолчал мгновение, но не проявил ни капли сочувствия.

— Я ненавижу тех, кто не держит своего слова.

Ань Лань лишился дара речи. Сдерживая слёзы, он вытащил лезвие из ножен. Раз Гун Цзю не согласен, он не может нарушить обещание. Даже если придётся плакать... нет, плакать нельзя. Даже если придётся превозмогать себя, он сделает это.

Но меч был намного тяжелее кнута. Сделав всего двадцать или тридцать взмахов по строгим правилам, русал почувствовал, как начинают болеть руки. Как бы он ни старался, долго продержаться не получалось. После сотого взмаха он едва мог удерживать рукоять.

В этот момент подошёл Гун Цзю. Он взял у него меч, а затем, схватив юношу за руку, начал разминать мышцы. Станный тёплый поток исходил от его пальцев.

Когда мужчина отпустил его, Ань Лань почувствовал, что боль почти прошла. Но не успел он обрадоваться, как тот снова вернул ему оружие.

— Продолжай.

Ань Лань: «...»

«Терпи, терпи! Не плачь, не плачь, а то слёзы хлынут дождём...»

Когда эта бесчеловечная тренировка закончилась, солнце уже стояло высоко. К концу Ань Лань находился в полубессознательном состоянии и с трудом мог понять, что за дрожащая конечность свисает с его плеча.

Рука? Почему она кажется такой чужой? Неужели это действительно часть его тела?

Идя рядом с Гун Цзю, русал думал о том, что это был лишь первый день, и чувствовал невыносимую муку. Люди — настоящие мастера слова. Короткая фраза — и как точно она описывает его нынешнее отчаяние.

По пути в столовую они встретили Ньюжоутан. Едва увидев меч в руках юноши, она удивлённо вскинула брови.

— Девятый братец, — с недоверием спросила она, — как ты мог отдать ему Меч Алого Дракона, Запечатывающий Снег?

Ань Лань замер. При одном лишь слове «меч» у него начинали шевелиться волосы на голове.

Гун Цзю, как всегда, ответил кратко:

— Мне так захотелось.

— Но это же твой личный меч! — не унималась Ньюжоутан.

Вообще, в мире боевых искусств было не редкостью, когда воины не носили своё оружие постоянно при себе. Клинок длиной с руку взрослого человека неудобно вешать на пояс, носить в руках — тоже не вариант, а за спиной он мешает сидеть и лежать.

Поэтому некоторые знатные воины нанимали оруженосцев, которые носили их мечи, а заодно обучались у них боевым искусствам, становясь наполовину слугами, наполовину телохранителями.

Но Гун Цзю был другим.

Он ненавидел пользоваться вещами, которыми пользовались другие, и ненавидел, когда кто-то прикасался к его имуществу, особенно к такому личному и особому предмету.

Даже ей не было оказано такой чести!

И Ша Мань тоже!

Так почему этот дурачок удостоился особого отношения её Девятого братца?

В этот момент в глазах Ньюжоутан угроза, исходящая от Ань Ланя, превзошла угрозу от Ша Мань, и он стал ей особенно неприятен.

<http://bllate.org/book/16011/1571823>